

Отношения госпожи Боми с мужем были весьма прохладными, каждый жил своей жизнью, не вмешиваясь в дела другого.

Ша Мань был всего лишь бароном, занимая невысокое положение, но в прошлом он был телохранителем юного четвертого принца. В Императорском дворце к внешности телохранителей предъявляли строгие требования: они должны были быть высокими, статными и привлекательными, ведь они не только охраняли, но и представляли лицо императорской семьи. Поэтому, несмотря на скромный титул, Ша Мань был высоким и красивым мужчиной, и многие знатные дамы и девушки охотно заводили с ним романы. Госпожа Боми была одной из них.

Госпожа Боми вытерла слезы и с покрасневшими глазами сказала:

— У Ша Маня тоже не самые теплые отношения с женой. Он приводил других женщин домой, и его супруга не возражала, поэтому я бывала у него в поместье несколько раз.

— В его поместье не так много людей, но отношения там довольно запутанные. Ша Мань и его служанки... — тут она заметила, что собеседники начали терять терпение, и быстро перешла к сути. — Недавно я действительно была у него в поместье и заметила кое-что странное. Не знаю, имеет ли это отношение к тому, что вас интересует.

Цинь Чанцин, которому уже надоели эти истории о запутанных отношениях, терпеливо сказал:

— Продолжайте.

— Когда я была там, я встретила одного странного слугу. Раньше я его не видела в поместье, но я и не знакома со всеми его людьми. Однако этот слуга вел себя не как слуга, а скорее как хозяин усадьбы.

Цинь Чанцин удивился:

— Почему вы так думаете?

Госпожа Боми осторожно посмотрела на него и честно ответила:

— Этот слуга был невероятно высокомерен, даже к гостям относился с пренебрежением... А Ша Мань, хотя и явно раздражался, сдерживал гнев и не наказывал его, даже не делал замечаний. Это было просто невероятно.

Цинь Чанцин слегка приподнял бровь. Это действительно было странно. Он знал, что среди дворян мало кто обладает терпением. Даже обычные люди не стали бы терпеть, чтобы слуга вел себя так нагло, особенно по отношению к гостям.

— Можете описать внешность этого слуги? — спросил Цинь Чанцин. — Как он выглядел?

Госпожа Боми задумалась, немного склонив голову, и с трудом описала:

— Он был довольно крупным, но уже в возрасте, лицо у него было изможденное, черты не слишком запоминающиеся.

Цинь Чанцин внимательно запомнил ее слова и спросил:

— А еще что-то необычное вы заметили в его доме?

Госпожа Боми снова подумала и покачала головой:

— Нет, после того случая он больше не приглашал меня к себе. Не знаю, связано ли это с тем слугой.

Цинь Чанцин кивнул:

— Понятно. Вы можете идти.

— Хорошо, тогда до свидания, Ваше Величество Императрица, Княгиня, — госпожа Боми поспешно встала и поклонилась.

В этот момент Княгиня, до сих пор молчавшая, вдруг сказала:

— Я надеюсь, что все, что произошло сегодня в этой комнате, останется только между нами тремя.

— Конечно, я запомню, — ответила госпожа Боми. Их статус был для нее слишком высок, и она не собиралась ради временного любовника ссориться с ними.

Госпожа Боми покинула комнату, а через несколько дней ее семья получила сообщение от одного из управляющих Императорского дворца. Он вежливо сообщил, что Императрица хотела бы обсудить с ними деловой контракт. Родственники были в замешательстве, не понимая, что за дела могла иметь таинственная и высокопоставленная Императрица с ними. В ходе обсуждения они узнали, что родственники Императрицы планировали открыть ресторан на Имперской Звезде. Управляющий терпеливо объяснил, что это был подарок Императрицы госпоже Боми в знак благодарности.

Узнав об этом, госпожа Боми, вспомнив о спокойном и элегантном мужчине-Императрице, была глубоко тронута и с тех пор стала верной поклонницей этого ресторана, с радостью рекомендуя его всем знакомым. Но это уже другая история.

После разговора с госпожой Боми Цинь Чанцин решил вернуться в Императорский дворец, чтобы попробовать приготовить лекарства для двух все еще находящихся в коме.

Согласно его предположениям, паразит, вероятно, уже проник внутрь тел зараженных и серьезно повредил их мозг. Если это действительно так, то ему нужно было найти способ изгнать паразита из их тел.

Полицейский, находящийся в коме, все еще не подавал признаков жизни, словно овощ. Думая об этом, Цинь Чанцин, под руководством управляющего Княжеского поместья, покинул усадьбу и, уже собираясь сесть в летательный аппарат, вдруг вспомнил о чем-то и решил заехать в дом семьи Ху, чтобы проверить состояние Ху Чжана.

Хань Хай, который практически стал его личным телохранителем, услышав его приказ, немедленно направил летательный аппарат к дому семьи Ху.

В доме Ху по-прежнему царил мрачная атмосфера. Внезапный визит Цинь Чанцина обрадовал главу семьи Ху, и он с радостью встретил его.

— Я хочу увидеть Ху Чжана, — сказал Цинь Чанцин.

— Конечно, Ваше Величество Императрица, прошу вас.

Ху Чжань уже был переведен в обычную комнату, но, несмотря на то, что он все еще находился в коме, его приковали к кровати специальными наручниками, чтобы предотвратить возможные инциденты.

Мышцы Ху Чжаня, ранее мощные, теперь будто атрофировались. Он выглядел так, будто пролежал в коме не несколько дней, а несколько лет, его тело значительно уменьшилось.

Цинь Чанцин проверил его пульс, но не обнаружил ничего необычного. Затем он заметил на его запястье украшение из киноварного нефрита и коснулся его. Не успел он убрать руку, как тонкая красная нить света вышла из его запястья и потекла в украшение.

Цинь Чанцин удивленно взглянул на Ху Чжаня, но тот все еще был без сознания, без каких-либо изменений.

В этот момент глава семьи Ху, стоявший рядом, сказал:

— Это украшение вы велели надеть на него тогда, и с тех пор мы его не снимали.

Цинь Чанцин кивнул:

— Позаботьтесь о нем, а я пока приготовлю для него лекарства.

— Хорошо, — ответил Ху Бо, хотя его сердце было полно тревоги, он знал, что Императрица действительно делает все возможное.

Покидая дом семьи Ху, Цинь Чанцин вдруг получил сообщение от Лань Сыняня.

— Что случилось? — спросил он, уже передав Лань Сыняню информацию от госпожи Боми.

На экране Лань Сынянь выглядел очень серьезным:

— Ты можешь сейчас вернуться? Тот полицейский, который был в коме, очнулся, но ситуация стала еще хуже.

— Я уже еду, — с нахмуренными бровями ответил Цинь Чанцин.

Когда он вернулся во дворец, то узнал, что очнувшийся полицейский чуть не убил человека.

Лань Сынянь встретил его на посадочной площадке и быстро повел к дворцу, где находился полицейский.

Еще не войдя внутрь, они увидели, как несколько стражников сражались с очнувшимся полицейским. Цинь Чанцин, наблюдая за ним, заметил, что его поведение отличалось от симптомов синдрома мании. Глаза полицейского все еще светились красным, но его движения были точными и быстрыми, как будто он не узнавал никого и атаковал с явным намерением убить.

Они обменялись взглядами, и Лань Сынянь мрачно сказал:

— Его поведение напоминает поведение наемного убийцы или смертника.

Цинь Чанцин, хотя никогда не видел таких людей, мог это представить.

Он вдруг вспомнил о чем-то и сразу же позвонил главе семьи Ху.

— Ваше Величество Императрица? — удивился Ху Бо, только что проводивший его, и подумал, что тот что-то забыл сказать.

— Немедленно проверьте Ху Чжана. Убедитесь, что он все еще лежит в постели, — с серьезным лицом сказал Цинь Чанцин.

Ху Бо, увидев его выражение, почувствовал тревогу и сразу же ответил:

— Сейчас проверю.

Однако к удивлению Цинь Чанцина, когда Ху Бо вошел в комнату Ху Чжана, тот все еще мирно лежал в постели, ничего необычного не происходило.

Цинь Чанцин нахмурился и велел Ху Бо продолжать наблюдать за Ху Чжанем, после чего закончил разговор.

* Авторских примечаний, комментариев или благодарностей в этой главе не обнаружено.

<http://bllate.org/book/16204/1454560>